

Оксана Быстрицкая

Зацепка
за судьбу

Сказки для милых дам

Оксана Быстрицкая

Зацепка за судьбу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10751707

ISBN 978-5-4474-1176-3

Аннотация

Дамы бальзаковского и постбальзаковского возраста творят свои судьбы. Как это у них получается и получается ли, вы узнаете, прочитав эту книгу :)

Содержание

Зацепка за судьбу	5
Она	5
Он	11
Они	19
Двое	28
Солнечный мальчик	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Зацепка за судьбу

Сказки для милых дам

Оксана Быстрицкая

© Оксана Быстрицкая, 2015

© Александра Михайловна Федюкина, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Зацепка за судьбу

Она

Она летела бизнес-классом в Египет, в Шарм-Эль-Шейх. В самое прекрасное время года – весной. Она была одета по последнему слову моды. Для этого пришлось обежать ни один московский бутик, посоветоваться с подругами, посмотреть самые модные передачи на MTV, и сделать еще массу того, что она в своей жизни и не предполагала делать. Например, ей пришлось ждать две недели в очереди к модному стилисту, чтобы постричься и уложить волосы так, как следовало по законам современной моды. Обычно стрижка не занимала более получаса в парикмахерской по соседству с местом работы. Зачем тратить драгоценное время и что основное – немалые деньги, если можно постричься и купить что-то новое в минимально короткие сроки и с небольшими затратами? Прямо рядом с работой был магазин женской одежды, где цены не кусались, и деловые костюмы были вполне добротными, соответствующими ее положению заведующей кафедрой иностранных языков. Фигура у нее с молодости была стандартного 46 размера, рост четвертый. Так чего напрягаться? А главное для кого? Для себя в этой жизни она еще ничего хорошего не сделала. Хотя после смер-

ти мамы уже шесть лет жила одна. Она всю себя посвятила преподавательской деятельности. С самого начала карьеры так сложилось, что она попала сразу в очень престижный институт. Все однокурсники позавидовали. В основном всех распределили в школы, в лучшем случае с небольшой языковой нагрузкой, а то и просто в группу продленного дня. А ей предложили место преподавателя в ВУЗе! Она знала, что не просто так, но с подружками своими знаниями не делилась. Мама тогда работала в РОНО Октябрьского района на неплохой должности и с хорошими связями. Вот вам и ответ. Конечно, многие догадывались, но точно никто ничего не знал. Она с удовольствием окунулась в преподавание, которое постепенно полностью засосало ее и повергло в глубины педагогики.

До прошлого месяца, апреля, она не попробовала вынырнуть на поверхность, продолжая важно плыть в научных глубинах. Постепенно превращаясь из маленькой рыбешки в акулу педагогики, она так и не изменила своей целеустремленности. Вокруг происходили большие и маленькие перемены в жизни общества, а также друзей и знакомых. Но нашей рыбине было глубоко наплевать на то, что происходит вокруг, кто что имеет, кто где бывает, и кто сколько получает. Она от природы не была завистлива или тщеславна. Ей было спокойно и уютно на достигнутой глубине. Единственное, что она желала, это нырнуть еще чуть-чуть глубже, ну

на самую малость, и чтобы сил и здоровья хватило довести дело жизни до логического конца. Каков должен быть этот конец она еще не знала и даже не задумывалась над этим вопросом. Она была все еще самой молодой профессоршей в своей области. В апреле ей исполнилось сорок лет.

– Уважаемые дамы и господа, в течение получаса вам предложат горячий обед, – донеслось из динамика в голове салона.

Она огляделась по сторонам. Бизнес классом летело всего несколько человек. Среди них была только одна дама – она сама. Она улыбнулась и покосилась на соседнее кресло. Там сидел немолодой спортивного телосложения и очень сурового вида господин. «Почему этого „неандертальца“ посадили рядом со мной? – в который уже раз за время полета, подумала она, – мест свободных полно.» Впервые она увидела его в VIP зале вылета, куда проводил ее Антошка. Она тихонько села в уголок и попивая кофе, рассматривала публику. Эти люди были из другого мира. Для них было обычно стричься у стилистов и одеваться в бутиках. Они сидели за столиками, пили вино, водочку или пиво и весело общались, демонстрируя ровные ряды отреставрированных зубов. О реставрации зубов она слышала от Антошки. Он и ей предлагал, но она отказалась. Еще чего, портить зубы! Они у нее не сильно плохие. Лучше, чем у многих ее ровесников.

Антошка творил добрые дела, и сам расцветал от этого. Ей не хотелось его огорчать или обижать, поэтому она и побывала в салонах и бутиках и летела теперь бизнес классом через VIP зал. Единственным, от чего она отказалась наотрез, был пятизвездочный отель клубного класса. Жить 10 дней она будет в четырех звездах. Это более, чем достаточно для первого в жизни заграничного отдыха. Антошка не настаивал. Пусть будет так, как она хочет. На том и порешили.

«Неандерталец» сидел за соседним столиком в зале вылета. Он сразу чем-то необъяснимо зацепил ее. Ни поразил, ни привлек, а именно зацепил. Ей захотелось все время держать его в поле зрения. Смотреть неотрывно не позволяло воспитание, поэтому она наблюдала за ним сквозь опущенные ресницы, делая вид, что читает газету. Он сидел за столом, закинув ногу на ногу, курил сигару и смотрел телевизор, висевший над стойкой бара. Там показывали соревнования по теннису среди юниоров. Спорт она не любила и не понимала, как можно часами смотреть какие-то выступления или матчи. «Наверное, он бывший спортсмен, – подумала она, – до спортсмена нынешнего не дотягивает – возраст вышел.» На вид ему можно было дать лет 38—40, но складки у губ и у глаз говорили, что ему за сорок, может быть даже за сорок пять. Когда объявили посадку, он поднялся со своего места, и она с неожиданным облегчением поняла, что он тоже летит в Египет. «Ерунда какая-то, – мелькнуло в голове, – какая

мне разница, куда он летит?» Он подошел к бармену расплатиться и вдруг широко улыбнулся ей. То, что он улыбнулся именно ей не вызывало сомнений, возле барной стойки больше никого не было. Она гордо вскинула голову и резко направилась к выходу на посадку. «Еще он улыбаться мне будет! Каков! Улыбка получилась ужасной, уважаемый. В вашем возрасте, не стоит прибегать к альтернативной реставрации путем брэкитирования зубов,» – агрессивно подумала она и даже сверкнула глазами в его сторону. К счастью он все еще разговаривал с барменом, а то упал бы замертво от этого взгляда, как пить дать.

После довольно сытного обеда стюардесса предложила кофе и булочки с маком. Она с удовольствием надкусила булочку и приготовилась смаковать кофе...

– Не стоит травиться после обеда, – подал голос «неандерталец».

– Что-о-о? – от неожиданности она чуть не расплескала кофе на модный льняной костюм.

– Я говорю, не надо злоупотреблять мучным. Вы уже съели две булки. Этого на обед более, чем достаточно.

– Но вы же сами.., – пролепетала она.

– Я – мужчина. Мне можно. А вам следует беречь фигуру, а то она может подвести в самый ответственный момент. Женщины с рождения расположены к полноте.

Она растерялась. Вроде бы и не маленькая, а как вести

себя и что говорить в данной конкретной ситуации, не знала.

Самолет начал снижение, стюардесса объявила о погоде в аэропорту назначения и пожелала всего доброго. Ее рабочее время на борту на этом закончилось. Нашу научную рыбку вдруг резко затошнило в глубинах воздушного океана. Она откинулась на спинку сидения и закрыла глаза, стараясь взять себя в руки. Ее тошнило от страха. Так бывало всегда, с детства, она очень боялась разбиться именно во время снижения.

– Успокойтесь, мы скоро сядем, – неожиданно мягко проговорил сосед, – это зацепка за ваш страх, только и всего.

Она даже не повернула головы в его сторону, когда почувствовала, как его твердая ладонь мягко прикрыла ее судорожно вцепившуюся в ручку кресла кисть.

Он

Он летел бизнес классом в Шарм-Эль-Шейх впервые. Не впервые бизнес классом, а впервые в Египет. Он не любил арабов и арабские страны. Не потому, что был националистом, нет, просто последние пятнадцать лет он жил в самом, по его мнению, цивилизованном обществе, чем несказанно гордился, а значит, не хотел ничего, что могло бы быть как-то не на уровне его понимания о цивилизации. Но в этот раз никто не спрашивал о его желании лететь в Египет, его попросили, а он не смог и не захотел отказаться, тем более, что последний раз он отдыхал на море в раскаленном и не особо цивильном Сочи более 15 лет назад. С тех пор жизнь наладилась. Вспоминать свои годы жизни в «совке» он не любил и старался, как можно реже, общаться с бывшими согражданами. Не всегда все зависело от его желания, но он стремительно шел по своему пути. В том, что это его путь, он был абсолютно уверен.

Самолет был забит до отказа. Новые и не очень новые русские вылетали на первый весенний отдых после длительной, холодной зимы. В бизнес-классе, правда, сидели не русские, а арабы, скорее всего «бизнеса», и эта дамочка. В салоне было прохладно, и подавали виски. «Прямо, как на Западе» — подумал он, разглядывая сексапильную стюардессу. Пятна-

дцать лет назад он в последний раз сошел с трапа самолета Аэрофлота и надеялся больше никогда не ступить на советский борт. Пятнадцать лет назад, казалось, все было в последний раз. Ан, нет, жизнь выкидывает свои фортели. Последние пять лет он ведет дела с россиянами, как это не парадоксально.

Он попросил принести еще виски и с удовольствием наблюдал, как бортпроводница идет по проходу, умело виляя бедрами. «Все при ней! Где только Аэрофлот набирает таких красавиц?» Он улыбался своим мыслям, и ему показалось, что эта дамочка, сидящая рядом, их прочла. Она неожиданно оторвалась от газеты, которую с завидным упорством читала всю дорогу и как бы ненароком бросила на него взгляд. Он несколько смутился и отвернулся к окну. Стюардесса принесла напиток и поинтересовалась, не хочет ли мистер еще чего-нибудь. Но мистер ничего не ответил, она же все равно не могла ему дать то, что он хотел здесь и сейчас. Он снова углубился в воспоминания. Он давно не вспоминал и практически ничего не чувствовал. Это тоже было частью его пути. Но сейчас ему надо было вспомнить все. Он четко осознал желание вспоминать в VIP зале, когда зачем-то улыбнулся дамочке.

Нельзя сказать, чтобы он все забыл. Нет, просто запретил себе вспоминать. Он научился жить здесь и сейчас. А это

было не просто. Прошлое ушло очень далеко, в неведомые глубины сознания, а о будущем надо думать потом, когда оно наступит. Так объяснял Учитель, и он ему безгранично верил. Если бы не Учитель, что было бы с ним сейчас неизвестно. Да и было бы что-то? Он прикрыл глаза. До обеда оставалось еще как минимум полчаса, он вполне успеет все разложить по полочкам. Начинать надо сначала. А где начало? Конечно в детстве. Детство неразрывно связано с мамой и Стасом. Они жили в коммунальной квартире, выходящей окнами прямо на Садовое кольцо. Квартира была большая, но жили в ней только две семьи: он с мамой, занимавшие две комнаты, и семья алкашей, занимавшая три комнаты. Как так получилось, что в 157 метровой квартире в самом центре Москвы основную площадь занимали потомственные алкоголики, никто не ведал. Членом этой семьи был сын Стас, который числился на родительской территории, а фактически жил у соседей. Со Стасом связаны все теплые воспоминания детства, и молодости... Он открыл глаза. «Нет, так нельзя. Надо взять себя в руки. Только факты. Так легче. Как, оказывается, тяжелы, могут быть воспоминания». Его мама Анна Ильинична добровольно взяла на себя обязанности Стасовой няньки, как только его принесли из роддома. Стасовы родственники «нажрались» по поводу, а мальчика надо было купать и кормить. У нее был свой полугодовалый сын. Что один, что два, не велика разница! Справиться с двумя для молодой здоровой женщины было не проблемой. И она

справлялась. Стасовы родители не возражали. Да и как они могли возражать, если неделями не приходили домой, а если и приходили, то только, чтобы помыться и проверить, заперты ли комнаты. «Так, про этих – всё!» Стас рос шаловливым, но на редкость послушным и добрым, более добрым, чем он сам. Они вместе ходили в сад, в школу, вместе гуляли и занимались спортом и оба очень сильно любили маму Анну Ильиничну.

Шестидесятые и начало семидесятых были безоблачны. Все казалось интересным и легким. К концу семидесятых вдруг стало понятно, что главное в жизни – это фирмово приодеться. Они со Стасом были хоть куда и фигурой и мордашками, но не «прикинуты». Возможность одеться по моде, как им казалось тогда, была только одна – через «фарцу». Они оба огалтело ринулись в бизнес, обзавелись клиентами и «доставалами», «отмазались» от армии и жили на широкую ногу. Немалые барыши удалось сделать во время Олимпиады. Мама умоляла их остановиться, но тщетно.

В сентябре 1980 года случилось то, что должно было случиться. Они хором влюбились. Девушка не была похожа на манекенщицу, какие обычно им нравились, но это не имело значения. Она нужна была им обоим позарез. Ее звали Мария. Она работала кассиром в галантерейном магазине. Она сразу сделала свой выбор, но боялась обидеть другого.

Полгода они были втроем, пока Мария не решилась. Счастливчиком стал Стас. Свадьбу сыграли в ресторане Совинцентра. На их свадьбе он плакал. Потом жизнь постепенно вошла в свою колею. Стас с Марией поселились у ее отца в Новых Черемушках. Он с мамой остались вдвоем в огромной квартире на Садовом. Стасовы родители где-то затерялись в алкогольном мареве. Несколько лет о них ничего не было слышно.

Когда у Стаса родился сын, отношения между «друзьями-братьями» полностью восстановились. Он чувствовал такую нежность к малышу, что простил Стасу любовь Марии. Да и сам задумался, а была ли это любовь с его стороны или просто банальное влечение? То, что Мария и Стас любят друг друга, сомнений не вызывало.

Борьба между «фарцой» и правоохранительными органами шла всегда, когда-то разгораясь, когда-то затихая. Но в восьмидесятых она вышла на огневой рубеж. Вдруг все вспомнили о существовании валютной статьи. Ею «менты» стали размахивать, как красным знаменем. Некоторых ярых «бизнесменов» даже пытались упрятать в места не столь отдаленные. Над «друзьями-братьями» нависла реальная опасность. Стас решил перевезти семью во главе с тестем под Смоленск, где он купил небольшой домик в деревне. Сборы заняли двое суток. Наконец они уехали. Это была их послед-

няя в жизни семейная поездка и вообще последняя. Опознание их тел проходило только в его присутствии. Маленький мальчик остался жив, но абсолютно один на всем белом свете. Ни отца, ни мамы, ни дедов. Анна Ильинична пыталась усыновить малыша, но в органах опеки и попечительства ей отказали: во-первых – одинока, во-вторых – немолода. Она уговаривала сына сделать это. Но тогда он совершил подлость. Он предпочел спасти только свою шкуру и, быстро женившись на американке Кэтрин русского происхождения из «доставал», удрал в Штаты, гордо отказавшись от советского гражданства. «Стас поступил бы иначе», – грустно сказала ему на прощанье мама.

Первые годы на новой родине были не сладкими. Английского языка он не знал, достаточных денег, чтобы начать бизнес не имел. Кэтрин проваландалась в качестве жены полгода и отправилась в Москву на привычные заработки. Правда, на этот раз ей с трудом удалось получить визу. В этом она обвинила мужа. Вернувшись к Рождеству домой, она гордо продемонстрировала круглый живот и заявила, что ребенок его, а малыша надо содержать, и если он – такой козел, что еще не устроился на работу, она больше не намерена его кормить. Пришлось идти на поклон к ее отцу. Больше в Штатах ему пойти было некуда. У тестя был неплохой авто-бизнес. Он попросился на работу. Тесть важно пожевал губами и изрек: «Учи английский, сынок». На этом разговор завер-

шился. Как учить английский, не имея ни гроша лишнего, он не понимал. Решил поговорить с Кэтрин. Эмансипированная жена округлила глаза и заявила:

– Я не понимаю, как можно почти год жить в Америке и до сих пор не заговорить.

– Я работаю грузчиком, там не надо говорить. Хватает нескольких слов.

– Мне все равно, кем ты работаешь. Или ты будешь зарабатывать деньги, и содержать меня и нашего ребенка или пошел на... – на русском она изъяснялась, как на родном.

– Я, блин, даже туда не могу пойти, – зло проговорил он, – средств не хватит.

– Это потому, что ты м..., и на конкурсе м... ов займешь второе место, – с русским фольклором у нее тоже было все в порядке, – Скажи спасибо, что я не подаю на развод, а то ты бы попал, это тебе не совдепия! Это Соединенные Штаты Америки, – гордо заключила она уже на английском.

Он ушел из дома с высоко поднятой головой и ребенка так никогда и не увидел. Знакомые говорят, что мальчик очень хорош собой, но почему-то похож на араба.

С тех пор много воды утекло. Конечно, он встал на ноги, не совсем же урод. Конечно, он заработал достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать. Конечно, у него есть дом и дело и он полноправный гражданин этих гребаных Штатов. Но, похоже, этого недостаточно для простого челове-

ского счастья. Стас был счастлив, а у него никак не получается. Столько баб он пропустил через себя. Ни одна не зацепила. Хотя красоток среди них было не меньше сотни. Тетки во всех странах мира вешаются на него гроздьями, а вот ни к одной он за пятнадцать лет не испытал ничего, даже приблизительно напоминающее любовь. Он знает, что такое любовь. Больше всех на свете он любит двоих, тех, которых предал когда-то.

Они

Она потеряла его в толпе выплеснутых из самолета пассажиров. В зале прилета она искала его глазами, но тщетно. «Вот и всё!?»

Он быстро, почти бегом спустился по трапу, привычно проскочил паспортный контроль и таможеню и занял наблюдательную позицию среди встречающих. Он видел, как она беспомощно толкаясь, искала глазами кого-то. Его, конечно. Это было приятно.

Наконец-то она вышла из здания. «Вот чудная, могла бы быть порасторопнее». К ней сразу же подошел приличного вида пожилой араб и, молча, протянул листок с ее именем и фамилией. «Слава богу, хоть до места доберусь без приключений!» Встречающий проводил ее к машине, погрузил вещи в багажник, и открыл перед ней заднюю дверь. Она уселась поудобнее, достала пачку сигарет и обратилась к водителю: «May I smoke here?» Но водителю было все равно, на каком языке с ним разговаривают, иностранными языками он не владел. Тем не менее, запрета курить с его стороны не последовало. Она прикурила сигарету и приоткрыла окно.

– Вы могли бы и по-русски спросить, – донеслось с перед-

него сидения.

Она даже вздрогнула. «Как я могла не заметить эту махи-ну?»

– Я не переношу запаха сигарет в машине, поэтому вы-бросите вашу палочку здоровья немедленно.

– А я не переношу, когда не просят, а командуют! Вам придется потерпеть!

Она даже не успела глазом моргнуть, как он пластично перегнулся через спинку сидения, нежно взял сигарету из ее руки и выбросил в окно. На долю секунды они встретились взглядами только для того, чтобы разнести друг друга вдребезги. Она обессилено откинулась на спинку сидения. Он от-тер ладонью капельки пота со лба. «Шоковая дамочка!» – «Полный неандерталец!»

До гостиницы ехали молча. Она уже до слез хотела домой. Там все привычно, спокойно, размерено. Там тебя не подсте-регают неожиданности каждую минуту. Там не надо сильно напрягаться, а можно просто жить... Где-то я уже видела эти глаза. Но где?

Он думал об Антоне. Раз обещал, значит должен – без ва-риантов. Но зачем он попросил об этом? Лучше бы попро-сил денег, что ли. Похоже, Антон – неплохой психолог. Ну, напрягаться, ой как не хочется.

Гостиница понравилась ей с первого взгляда. Никакой помпезности. Все стильно, чисто и красиво. Она разобрала вещи и вышла на балкон. С балкона открывался вид на море. Очень красиво, даже завораживает. Хочется смотреть и смотреть. Промелькнула какая-то приятная мысль, она не успела ее поймать. Но ход мыслей пошел совсем в другом направлении. «Что бы одеть? Идти на море или по территории погулять? Интересно, что делает этот псих?»

Он сидел на балконе в своем номере и болтал с Антоном.

– ...Что ты хочешь конкретно?

– Ну, как она вам, дядя Саш, а?

– Антошка, по-моему, ты переоценил свои способности психолога и мои – жеребца, но я сделаю все, что смогу.

– Не перетрудитесь.

– Не бойся. Твоя Сашенька еще и меня в бараний рог скрутит. «Ранимая, ранимая!» Да она просто феминистка!

Даже Антону, который был самым заинтересованным лицом во всей авантюре, он не смог признаться, что она уже поймала его на крючок. «Где эта шоковая? Пойду, пройдуся. Будет досадно, если мы разминемся».

Они встретились в кафе на пляже. Она была очаровательна, улыбалась и даже пыталась поддерживать разговор. Тут

он совсем растерялся. Он был готов к бою, а она шла навстречу. Это было нелогично. Стараясь заинтересовать ее, он начал рассказывать о неисследованных возможностях человеческого сознания и увлекшись, перешел грань дозволенного, зацепившись за собственную зацепку. Он допустил ошибку, увидев в ней своего пациента.

– Вот вы, Саша, почему вы до сих пор не замужем? Потому, что в вас сидит заноза – зацепка за агрессию против мужчин...

Он даже не успел договорить, она вскочила из-за стола и, с размаху швырнув в него салфеткой, почти бегом бросилась к гостинице. «Идиот!!!!!!!!!! Сам агрессор!! Психолог от слова псих! Всё....»»

«Это зацепка за самолюбие» – растеряно проговорил он ей вслед.

«Последняя идиотка! Хотела вести себя как настоящая женщина, да? Получила, дура несчастная! Достаточно! Хватит! Придумала сама себе роман на старости лет. Он эксперименты ставит, а я как... В эти игры я больше не играю».

На ужин она не пошла из принципа. А есть хотелось. Пришлось снова отправляться в пляжное кафе. Она заказала какую-то незнакомую рыбу на гриле. Пока ждала, позвонила

Антошке. «Все-таки славный человечек вырос. Кто бы мог подумать, что из детдомовского лохматого пацана получится настоящий мужик. Звездочка! И Анна Ильинична молодец. Дай бог ей здоровья. Без ее участия не получился бы такой солнечный парень»

– Антошка, привет.... Спасибо тебе. Здесь так хорошо. Море отличное, погода прекрасная

– Сашенька! Привет! Как там с кавалерами?

– Что ты, Тошка, какие кавалеры? Одни мамы с детьми, да парочки молодые.

– Да, ладно. Такую даму найдут женихи даже на необитаемом острове. Что ли я зря старался?... Ты там деньги не экономь, гуляй по полной, как договаривались, да по сторонам чаще смотри. Может принц где-то рядом.

– Ты все-таки решил меня замуж выдать? За араба что ли?

– А почему нет? Салатиков поедим. Не на кого ни рычи, слышишь, даже, если не нравится поначалу. Обещаешь, принцесса? А то я тебя знаю – нос кверху и чесать...

– Ну, ладно, ладно, я обещаю, правда, мы же договорились. Целую. Привет Анне Ильиничне.

На пятом курсе их отправили на педпрактику в детский дом. Они были молодые, шумные и веселые. Они проводили с детишками целые дни, играли с ними, разучивали песни и ставили пьесы. Они уходили только, когда надо было ло-

житься спать. А утром приходили снова. Вот тогда Антошка выбрал ее, а она – его. Он был, как солнечный зайчик. Всегда улыбался. Слушал внимательно, смотрел широко открытыми глазами, и обхватывал ее за шею, и утыкался веснушчатым носом ей в плечо, когда она уходила, но не плакал. Маленький мужичок. Он называл ее Сашенька и ждал каждый день. Она продолжала ходить к нему лично, когда практика закончилась. Все десять лет его детдомовской жизни. Она знала его историю. Он был круглый сирота. Родители и дед погибли в автокатастрофе. Он выжил. А навещала его все время то ли соседка, то ли дальняя родственница Анна Ильинична, которую он называл бабАней.

Он познакомил ее с бабой Аней, и иногда они стали приходить вместе. Это было много лет назад. Антошка вырос, Сашенька вошла в бальзаковский возраст. «Какая уж теперь Сашенька? Настоящая Александра Николаевна.» У нее не было своих детей, да и как-то не от кого было их заводить. Она старалась передать Антошке все, что умела сама. Она обучила его английскому языку, научила кататься на роликах и водить машину. Она учила его анализировать людские поступки. Правда, анализировать собственные она сама так и не научилась.

В институт сразу после школы Антошка не поступил, но это он из природного упрямства сделал. Он вбил себе

в голову, что должен сначала научиться защищать отечество, а потом только получать высшее образование. Оттрубил два года в погранвойсках на финской границе и только потом пошел учиться дальше...

Он сидел с сигарой на балконе и продолжал вспоминать. Он вспомнил уже почти всё.

Пока Антошка служил в армии, мама признала его бабку с дедом – физиологических родителей Стаса – без вести пропавшими. Чего это ей стоило! Он помогал, снабжал мать деньгами в любом необходимом количестве, еще нашел ей прекрасного адвоката, который и провернул все дело с наименьшими потерями. Его школа оздоровления уже стала модной и в Штатах, и в Европе. От желающих оздоровиться отбоя не было. Вначале это были американские граждане, потом истинные европейцы. Но слухами земля полнится. Из новой России потекли ручейком новые русские. Постепенно ручеек превратился в поток. Пришлось покупать еще одно здание, и набирать дополнительный персонал. А ведь еще совсем недавно он бежал от всего, что связано с Россией. Меняются времена, меняемся мы... Мама приезжала, привозила фотографии Антона, рассказывала о его успехах.

«Разве достаточно им было только моих денег, которые отправлялись регулярно? – неожиданно подумал он. – Разве не хотелось им моего участия в их жизни? Антону нужен был отец. Я, кажется, понял, Господи, понял! Прости меня,

помоги не сбиться с пути. Направь и остереги».

В марте этого года Антон позвонил сам.

– Привет, дядя Саша, – веселым Стасовым баском прокричал он в трубку.

В Америке была уже глубокая ночь. Он подскочил на кровати, чуть торшер не сшиб.

– Антошка!!!!!!! Привет!!! Как....., – но ему не дали договорить. Антон звонил по делу, которое ему, Антону, казалось крайне срочным и важным.

– Вы можете к нам приехать? Срочно. Вы мне нужны.

Антон мог бы больше ничего не говорить. Александр уже летел в посольство оформлять визу в Россию.

У двери своей квартиры, его охватила дрожь. Там ждала мама, там ждал Антон. Они простили его, они его любят? Дверь неслышно распахнулась. На пороге стоял... Стас – Антон, конечно, но копия Стаса, даже прическа такая же. Мама напекла пирогов и плюшек. Наконец-то он снова дома. Просидели всю ночь. Они поставили его перед фактом – покупатель на квартиру уже был найден, Анна Ильинична переезжает к Антону в Черемушки. У них теперь куча денег, смогут делать, что захотят. Но пока, оба они хотели одного. Антон рассказал свой план предприятия, который уже заранее был одобрен мамой. Что Александру оставалось? А хотелось ли отказаться? Он согласился на авантюрное участие

в авантюрном проекте, только попросил посмотреть все имеющиеся в наличии фотографии за время его длительного отсутствия. На это ушла пара часов. На подробную разработку и материальное воплощение плана – 5 дней. В начале апреля он вернулся в Штаты, они благополучно продали квартиру. В середине апреля Антон подарил Сашеньке на день рождения путевку в Египет. А в начале мая, как известно, они оба вылетели в Шарм-Эль-Шейх.

Оказалось, что вспоминать – не так уж страшно, главное не поддаваться чувствам, а так – перечислять голые факты. Вот и в голове стало проясняться. «Зачем бежать от самого себя? Может быть, все-таки стоит поддаться чувствам? Черт возьми, Антон оказался прав. Но как????????? Этого не может быть, потому что не может быть никогда. – А почему — нет? Так он не относился еще ни к одной женщине, а знакомы-то они всего ничего. Да и разве назовешь это знакомством? Она еще даже не знает, что у них одинаковые имена».

Двое

Утром Сашенька проснулась в прекрасном настроении. Она встала, уложила волосы, навела макияж и отправилась на завтрак. Как же ей хотелось снова увидеть этого психа! При воспоминании о нем на лице появлялась улыбка. Сашенька брала себя в руки, хмурилась, но улыбка снова расползалась. Ну что поделаешь? Ресторан, где подавали завтрак, находился на веранде, обращенной к морю. Она пришла одной из первых. Солнце еще не сильно грело, и с моря долетал легкий бриз. Она подошла к стойке с восточными сладостями и протянула руку к чему-то, покрытому шоколадной глазурью, как вдруг вспомнила, что женщины с рождения предрасположены к полноте, улыбнулась и направилась к стойке с салатами. Она выбрала место прямо около балюстрады, и предвкушала наслаждения грядущего дня.

Александр поднялся как всегда очень рано, в пять часов. Но сегодня для этого пришлось приложить определенные усилия, поскольку разница во времени давала о себе знать. Он принял холодный душ, докрасна растерся полотенцем и отправился на море. Он бежал к морю, вспоминая вчерашний день, перелет, который неожиданно оказался даже приятным, поездку до гостиницы и неожиданную, но скорее желанную встречу в прибрежном ресторанчике. Он уже

не боялся вспоминать и, сняв запрет с воспоминаний о прошлом, с удовольствием предавался воспоминаниям нынешним. Вчера перед сном он сам себя застукал за пением битловской «Субмарины». Распевая во всю мощь голоса We all li-i-i-ve in a yellow submarine, a yellow submarine, он уставился на себя в зеркало в глубоком изумлении. Видавшая много электробритва застыла в правой руке, тоже изумившись пению хозяина. Он не пел НИКОГДА. Да, он просто не умел петь. У него отродясь не было ни слуха, ни голоса. Он не знал наизусть ни одной песни, и, бывало, немного завидовал Стасу, который неплохо играл на гитаре и пел. И вдруг эта песня! Откуда слова-то выплыли? Песню он допел, не смог остановится, удивляясь красоте звучания собственного голоса. «Это, конечно, не Джон Леннон и не Пол Маккартни, но тоже очень недурно», – самодовольно подумал он, засыпая.

Сашенька вернулась в номер, чтобы переодеться и идти на пляж. Настроение немного упало, но это и хорошо, что она маленькая девочка, что ли, улыбаться без причины и без конца? Она находилась в абсолютно благодушном состоянии души. Все вокруг ей нравилось: и номер с видом на море, и цветок магнолии на подушке (наверное, когда убирали комнату, положили), и теплое солнышко и новая одежда, кучей сваленная на кровать. Что бы одеть? Очень хочется быть красивой. Неважно, что до пляжа два с половиной шага. Ведь можно потом сходить в какое-нибудь кафе, попить

кофе и... Она не стала додумывать свою мысль и отогнала ее прочь. Раз он не появился на завтраке, значит, не хотел ее видеть. Ну и не надо!

Александр с удовольствием допивал терпкий зеленый чай на веранде ресторана. Он был одним из последних посетителей. «Куда же она подевалась? Время уже позднее. Спит или не завтракает обычно?» Он в который раз обвел взглядом ресторан. Ее не было. «Надо собираться на пляж. Наверняка, наша Сашенька пойдет загорать». Он думал о ней, и ему было приятно и спокойно. В кармане затренькал мобильник – Мама, привет!.. Я завтракаю... Нет, один... Откуда же я знаю, где наша дамочка?.. Ах,.. пошла на пляж... Ладно, ладо, я иду.. честно, уже пошел... Целую вас.

Он и вправду уже шел, почти бежал к корпусу. Надо было быстрее добраться до пляжа, а для этого стоило для начала хотя бы надеть плавки. Дамочка могла вполне отправиться куда-нибудь после купания. Никому не ведомо, что могло ей взбрести в голову.

Она лежала на животе возле самой воды и перебирала камешки. Она уже искупалась и заняла такую позицию, чтобы можно было наблюдать за дорожкой, ведущей в гостиницу. Когда он с полотенцем через плечо почти влетел на пляж и замер, разглядывая отдыхающих, она с удовлетворением прикрыла глаза и опустила голову. Он спешил, это раз, и ис-

кал ее, это два. Теперь можно претвориться спящей. Рано или поздно он подойдет к ней. «Но лучше бы, если бы пораньше», – промелькнула в голове неизвестно откуда взявшаяся строчка из известного шлягера.

Этот день они провели вместе, откровенно наслаждаясь обществом друг друга. Они плавали и загорали, сидели в кафе и гуляли по пляжу, потом снова плавали, потом обедали в ресторане и снова гуляли. Но главное, что они все время говорили. Обсуждали что-то очень важное и не очень важное и совсем неважное, и смеялись и старались ничем не зацепить друг друга. Александр не был уверен, что уже можно рассказать ей об Антошке и маме. Он очень хотел поговорить о них, но боялся спугнуть ее, не зная, что она может подумать, узнав о столь странном совпадении. Вечером он пригласил ее в русский рыбный ресторан. Она немного удивилась этому выбору, но возражать не стала. Весь вечер они говорили о чем угодно, только не касались личной жизни. Сашенька с удовольствием рассказывала о своей работе, о студентах, вспоминала смешные случаи из студенческой жизни, но почему-то ничего не рассказала об Антошке, хотя несколько раз порывалась, но останавливалась и переводила разговор на другую тему. О своей жизни он говорил достаточно скупно и порционно, будто боясь, что она сможет проникнуть в душу и что-то понять, чего он не хотел бы открывать. Рассказал о теории оздоровления, но промолчал

о своей школе в Штатах. Сказал, что когда-то жил в Москве, но углубляться не стал. Она не стала допытываться, хотя было очень любопытно, как же он попал в Штаты. «Расскажет, когда захочет», – рассудила она здраво.

После ресторана они еще побродили по пустынному пляжу, слушая шум волн и кряканье чаек. Это был самый романтический вечер для них обоих. Расставаться не хотелось, но как закончить этот необычный день ни один из них не знал. Он боялся обидеть ее, а она ждала предложения, но его так и не последовало. Он держал ее за руку, она таяла от нежности, он укутывал ее плечи своей курткой, она замирала от близости... Когда уже почти рассвело и они совсем замерзли, Александр проводил Сашеньку до номера, и не получив предложения остаться на чашечку чая, отправился спать. Для обоих день выдался не из легких, в смысле переживаний, всплеска чувств и переосмысления позиций. Пусть немного отдохнут.

Солнечный мальчик

Первые его воспоминания связаны с дядей Сашей. Он приходит в гости с огромным плюшевым медведем почему-то розового цвета. Медведь ростом с маленького Антошку. Он взаправду улыбается мальчику. Антон пытается поднять его на руки, но тщетно. Медведь очень тяжелый. На помощь приходит отец. Он смеется и подсаживает медведя, так, чтобы сыну было легко его держать. У Антошки полно игрушек. Он один маленький среди огромного количества взрослых: мама, папа, дядя Саша, дедушка и баба Аня. Они все любят его, тискают, смеются и дарят, дарят игрушки. Но такого большого друга у него еще никогда не было.

Скоро Антошке в школу. Он готовится по-взрослому. Ему купили ранец, ручки и букварь. Они с мамой даже школу уже выбрали рядом с домом, но папа сказал, что учиться он будет где-то в другом месте, где чище воздух и добрее люди. Антон не спорит. Какая разница, где учиться? Главное стать школьником, а значит взрослым. Родители очень сосредоточены перед переездом. Дедушка пытается командовать, вот только что-то голос дрожит. Баба Аня напекла плюшек в дорогу и не разрешает хватать с противня. А так хочется. Накануне отъезда вечером приходит дядя Саша. Он не в духе. Почему все какие-то странные? Ведь переезд на новое место это так

увлекательно! Папа с дядей Сашей закрылись на кухне. Они о чем-то громко спорят. Мама попыталась зайти к ним, ее прогнали. Но когда она открывала дверь, Антошка услышал, что речь идет о дяди Сашиной невесте. Он так и сказал «:... Ну и что с того? Она моя невеста!» Невеста? Почему никто не говорит о свадьбе? Почему она не приходит к ним? Может дядя Саша больше их не любит, раз у него есть невеста. Это грустная новость. Антошка чуть не плачет. Он-то любит всех одинаково сильно, дядю Сашу тоже.

Утро отъезда выдалось хмурым, накрапывал дождь. Они все долго целовались и обнимались у подъезда. Баба Аня даже всплакнула. Ну, чего они в самом-то деле? Не навсегда же прощаются. Оказалось навсегда. Выжил один Антошка, да и то только потому, что сидел на заднем сидении за отцом, а в момент аварии он залез между задним и передним сидениями, чтобы достать укатившийся стеклянный шарик. Этот шарик с тех пор всегда с ним. Он два дня не разжимал кулак, даже в больнице, когда врачи пытались заставить его отдать шарик.

Потом были долгие годы детдома. Баба Аня приезжала каждые выходные, привозила гостинцы, игрушки и одежду. В детском доме было не сильно плохо. Его все любили и ребята, и учителя, и воспитатели. Особенно хорошо стало, когда на практику прислали студентов из пединститута. Они

были молодые, шумные и веселые.. Вот тогда Антоша впервые влюбился. Она была из числа студентов. Но какая-то неземная. Высокая, легкая, подвижная. Она бегала быстрее всех и замечательно пела песни Beatles под гитарный аккомпанемент. Она не умела играть сама. Ей всегда подыгрывал Алексей. Он еще за ней «бегал», чем вызывал у Антона законную антипатию. Все звали ее Сашенька. Она тоже полюбила Антошку и продолжала к нему ходить лично, когда практика закончилась.

Сашенька озарила жизнь мальчишки солнечным светом. Он познакомил ее с бабой Аней, и иногда они приходили вместе. Это были роскошные часы. Антоша чувствовал себя на седьмом небе, когда две любимые женщины сидели с ним за столиком кафе и наперебой пичкали мороженым и конфетами.

Время шло. Антон вырос, до выпуска из детдома оставался один год. Сашенька пришла не в обычный день, когда были разрешены посещения. Она появилась в мальчишеской спальне прямо после обеда и строго сказала:

– Мальчики, меня зовут Александра Николаевна.

Мальчики онемели от удивления – они знали ее так давно – почти всю жизнь.

– Я буду преподавать вам английский язык. Кто не хочет

учиться, пусть скажет сразу. Я никого не намерена заставлять, – продолжила она серьезно, слегка нахмурив красивые тонкие брови.

– Сашенька, – робко проговорил Антон, – ты в своем уме?

– Антон, тебя это тоже касается. Сейчас я никакая не Сашенька. Я ваш учитель. Я буду обучать вас по моей собственной интенсивной методике. Повторяю, кто не хочет – я не виновата

Она сама волновалась страшно. Хотя, что ей было волноваться? За плечами много лет преподавательской деятельности. Отличные отзывы, стажировка в Англии и в Америке. У нее не было своих детей, и Антошка был самым любимым родным маленьким человечком, которому надо было передать все, что умеешь. Обучать родных – неблагодарное занятие. Потребовалось несколько недель, прежде, чем мальчишки стали воспринимать ее в качестве учителя. Результаты оказались грандиозными. Два Антошкиных одноклассника сдавали английский язык при поступлении в институты, и оба прошли успешно. Антошка впитывал английский, как губка. Слова запоминал быстро, а грамматику раскусил уже на уровне разницы времен и, пользуясь врожденным логическим складом ума, на пятом месяце обучения заговорил, как человек, минимум год, проживший в англоязычной стране. Сашенька была довольна. Ее маленький солнечный зайчик оказался обладателем недюжинного таланта к языкам.

Потом была армия, возвращение домой, поступление в институт, и наконец – их с бабой Аней волевое решение о продаже квартиры. В судьбе Антона участвовало очень много хороших людей, и он не ощущал одиночества. Он смело и открыто шел по жизни благодаря бабе Ане, Сашеньке и дяде Саше. Последний, правда, уехал в Америку, когда Антон был еще маленьким, но он всегда присылал мальчику подарки и книжки через бабу Аню, когда она ездила навещать сына в далекие Штаты. Все детство Антошка очень гордился, что его родственник живет за границей, и ни где-нибудь, а в США. В том, что дядя Саша – родной дядя, Антошка не сомневался. Позднее, после начала перестройки в России, стало возможно получать посылки. Дядя Саша просто завалил Антошку книгами на английском языке и кассетами. Эти подарки были для мальчика всегда большой радостью.

Антон и баба Аня были счастливы. Это было понятно и неоспоримо. Они всегда вместе, рядом. Но вот Сашенька и дядя Саша так и не нашли своего счастья. Антон был на сто процентов уверен, что счастье заключается в наличии семьи. Он решил объединить их судьбы и с юношеским максимализмом пустился в придуманное предприятие. Он поделился планами с бабой Аней. Она сразу же одобрила. Сашеньку она любила, как родную, а после смерти ее мамы очень жалела девушку. Анна Ильинична не была абсолютно уверена

в удачном финале, но, поддаваясь Антошкиному задору, верила в счастливую звезду. Два человека – старый и малый – с удовольствием вершили судьбу своих близких. Александр согласился на предприятие, едва взглянув на Сашенькину фотку, просто ему очень не хотелось отказывать своим любимым людям. Одна Сашенька так и пребывала в счастливом неведении. И слава Богу! С ее характером, предприятие бы закончилось, не начавшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.